

ВОСПОМИНАНИЯ
БОЖЕНКО АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА
записал Боженко Иван Андреевич

Андрей Яковлевич Боженко родился в 1866 г. умер 9 января 1945г. на 79 году в селе Ирбизино Карасукского района Новосибирской области.

Состав семьи Андрея Яковлевича:

1. Жена Татьяна Яковлевна, 1869 - 1913
2. Сын Ананий, 1891 - 1942
3. Дочь Ирина, 1894 - 1944
4. Дочь Акулина, 1897 - 1982
5. Сын Александр, 1900 - 1943
6. Сын Иван, 1904 - 1976
7. Дочь Анна, 1907 - 1987
8. Сын Максим, 1910 - 1912

В 1897 году в семье Андрея Яковлевича и Татьяны Яковлевны было трое малолетних детей. В хозяйстве кроме коровы ничего не было. Земельный надел состоял всего из одной десятины, обрабатывался вручную и не полностью, что не давало возможности прокормить семью. Андрей и Татьяна вынуждены были день и ночь работать на помещика. Но весь труд не улучшал жизнь, и семья нищенствовала.

В то время так жило большинство крестьян не только на Украине, но и по всей России. Царское правительство разрешило крестьянам Украины переселяться на земельные просторы Сибири. Но помощи в расселении никакой не оказывалось. Не было даже разъяснения переселенцам о путях проезда в Сибирь и о местах поселения. Такое положение вынуждало крестьян самостоятельно решать все эти вопросы. Как кому позволяла экономика. Крестьяне, решившие переселяться, группировались по 15-20 человек и выделяли по 2-3 человека «ходовков», которые должны были выехать раньше, исследовать путь проезда через Уральские

горы и разыскать в Сибири те места, где им будет разрешено поселение. Железной дороги из Украины в Сибирь тогда не было, поэтому переезд проходил гужевым транспортом, то есть на живом тягле.

Ходоков крестьяне снабжали продуктами, деньгами и на каждого «ходока» выделяли по одной лошади за счет группы. Срок возвращения «ходакам» устанавливали через год. И по возвращении ходоков эта группа с семьями во главе тех же ходоков выезжала в путь.

За время командировки ходоков, некоторые семьи в группах обеднели так, что уже не в состоянии были выехать на переселение, и вынуждены были оставаться на месте в своей нищете, а на место их принимались более состоятельные семьи.

Большинство семей, желающих, переселиться, не в состоянии были организовать посылку ходоков. Они создавали группы по 5-10 семей, избирали старшего и уезжали, как они выражались «понаслышке». В одной из таких групп из села Белоцерковка Харьковской губернии в 1898 году, выехала на поселение в далекую загадочную Сибирь семья Андрея Яковлевича Боженко.

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕСЕЛЕНИЮ. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Жить стало очень трудно. Постоянная поговорка у Андрея Яковлевича была: «куда не кинь везде клин». Мужики, жалуясь на свою судьбу, советовались с ним:

«Как быть, как жить? Мы не только не хозяева своей земли, но не хозяева даже себе. В одну сторону шагни земля помещика, в другую сторону шагни - церковно-монастырская. А мужик без земли никто. Как выйти из этого положения? Кто посоветует? Никто...»

Андрей Яковлевич говорит жене:

«Что это за жизнь, пока доберешься до своего клина (отруб в одну десятину) с дороги не только свернуть, но ногой ступить нельзя, кругом земля помещиков. Начнешь обрабатывать этот

клин, гляди за свою борозду не шагнуть бы. Корову все лето приходится держать на приколе. А к осени думай, не опишут ли её за неуплату подати. Все голые, голодные. Надо куда-либо ехать, лишь бы отсюда уехать. Как ты думаешь, Татьяна?», - как будто выезд зависел от неё.

Уже три года, как Андрей мечтает об этом, но выехать не за что. А иногда он думает: «А не для того ли это придумано, чтобы согнать мужика с последнего клочка земли? А ведь обездоленных стало так много, что и девать нас некуда».

Андрей Яковлевич водки никогда не пил, да и не за что было, но был всегда весел, хорошо пел, любил много и обо всем поговорить. В школу не ходил, грамоте не учился, но хорошо читал. Были у него кое-какие книги, и он знал не только государства по соседству с Россией, но и много других заморских. К нему часто приходили люди, послушать его, он долго беседовал с ними, о чем знал, рассказывал, как умел, советовал.

Уже прошло два года, как его братья Пантелей и Илья так же «понаслышке» выехали на переселение в Сибирь. Тогда Андрей Яковлевич наотрез отказался от этой затеи: «Скитаться по белу свету, искать неведомое место, непроверенное ходоками, нет смысла. Не поеду, будь что будет. Да и сил нету.»

Ясно, что он тогда ещё с братьями мог вместе уехать, но в душе надеялся, что через год у него экономика улучшится. А может он попадет в группу, которую будут провожать ходоки, побывавшие в Сибири. Братья, выезжая на поселение, обещали по прибытии сообщить Андрею через каких-либо ходоков о путях проезда. И он в душе все ждал этого сообщения.

Наступил 1898 год. Жизнь семьи Андрея Яковлевича со дня на день ухудшалась. Хлеба для посева нет. Две пудовки жита - одна мера, две - гороха. Это все, что есть для пропитания. Корова и мазанка с двумя окошечками. Работать у помещика сил нет, все равно семью не прокормить. Он окончательно решается на переселение. Но как ехать? Каким путем? В какие места? Это его очень беспокоит, а от братьев уже два года

нет известий. Слухи ходят, что в Сибири жизнь привольная, но лично ходоков никто не видели, не слышал, а все это понаслышке. Самое главное, надо узнать, как пробираться через Уральские горы. Были слухи, что многие умирали в пути от голода и холода, и их скарб растащили. Андрей просил Татьяну об этом не разговаривать, не пугать детей.

К весне 1898 года прошли слухи, что группа, в которой были братья Андрея, благополучно прибыли на место и строят землянки. Андрей в соседнем селе нашел старика, который подтвердил эти слухи, но говорят, что у них в дороге пало три вола, были поломки телег, и умерло трое детей. На обратной дороге Андрей спланировал продать землю, землянку, сделать добротную телегу. В дороге будет подпасывать свою корову, которая будет кормилицей и тяглом.

В избе Андрея собрались уже односельчане, ждут его рассказов. Что нового в Сибири? Какие места? Как туда добраться? Какие там морозы? Сколько туда месяцев езды? На чем лучше проехать Урал? На лошадях или на волах? Но Андрей Яковлевич не мог ответить на все эти вопросы. А ехать надо. Для переезда на место жительства в Сибирь, в группе, в которой был Андрей Яковлевич, объединились шесть семей. Решили выезжать как можно раньше, не дожидаясь теплых летних дней, т.к. продуктов мало, долго сидеть нельзя, да и худоба слабая. Ехать надо раньше, чтобы на Урале не застала зима.

Весь март и апрель ушли на подготовку и сборы. Андрею Яковлевичу так и не удалось обзавестись добрым быком, о котором он так много мечтал - не за что было.

Его транспортные средства состояли из коровы и старого слабого быка, телега хотя и новая, но она не окована, а не окованные колеса быстро распадаются. Каждая семья взяла с собой необходимое количество продуктов, по два запасных колеса, необходимую посуду, по две кадушки, жердей, веревины и др. Все шесть подвод были нагружены до отказа. Для малых детей и для матерей с грудными детьми на каждой телеге были натянуты из самотканой материи, как защита от дождя, ветров, палящего солнца, будочки. Остальным

взрослым и подросткам весь этот путь предстояло идти пешком. Некоторые женщины недовольны были, что им не давали мужики брать больше кадушек и камней. Они ругались с мужьями.

- В чем мы будем солить капусту? Что ты будешь накладывать вместо гнета? Где ты там возьмешь камень? Сам будешь своей задницей на кадушку давить вместо гнета? А в чем солить огурцы, помидоры, арбузы, коль кадушка только одна?

Хома говорит:

- На Урале будут меньшие камни - пудовики.

А она кричит:

- Ты что будешь пальцами отковыривать от горы эти пудовики? Без пудовиков я тебе не попутчица.

А Петро Иванюк, когда укладывал в телегу пожитки, вышвырнул, было один камень пудовик:

- Не хватало, столько камней будет везти, надрываться бык.

Но Ольга заявила:

- Тогда и мне с детьми делать с тобой нечего в Сибири, чем буду я там детей кормить?

Пришлось Петру смириться. Когда было все уже уложено, коровы и быки были запряжены, Андрей спросил у Татьяны:

- Ты тоже может быть, камень положила?

- Зачем мне эти камни, до камней ли мне сейчас?

Андрей Яковлевич повернулся к соседям, стоявшим в стороне, поклонился, сказал:

- Прощайте добрые люди, большое вам спасибо, что пришли проводить. Не осудите. Как будто никому зла я не сделал. Люди ответили:

- Добрый вам путь Андрей Яковлевич и Татьяна Яковлевна. Нет причин гневаться на вас. Будьте счастливы. Детишек берегите. Береги себя Татьяна.

И все женщины потянули концы фартуков к глазам.

ПОДГОТОВКА К ПРИВОЛЮ

Андрей Яковлевич вместе со своей семьей и другими переселенцами выехал 27 апреля 1898 года. Путь был очень трудный. Останавливались перед каждым попавшим на пути селом. Пасли скот, варили себе пищу, а выделенные мужчины поочередно шли в деревню и расспрашивали: какие села будут встречаться на пути и как лучше проехать. Так они двигались, проезжая в день по 20-25 верст. Еще не добравшись до Уральских гор, поняли, что камни взятые с места как необходимые, теперь давно уже стали обузой и были выброшены как лишний груз. Живое тягло ослабло, люди были измучены пронзительными ветрами, по ночам морозами, а в летние жаркие дни путников одолевали оводы, ночью комары и мошка. Люди двигались босиком и от ходьбы босыми ногами по жесткой, смешанной с галькой земле, у многих, особенно у подростков и женщин, на ногах появились нарывы, потом они превратились в раны. Начали болеть маленькие дети, люди стали унылыми, неразговорчивыми. Все ждали отдыха, передышки, этого ждал и усталый скот. Подъезжая к предгорью Урала, переселенцы в одной деревеньке остановились на отдых. Нужно было время для подготовки к более трудному пути с преодолением горных дорог.

Здесь была большая речушка. Люди почувствовали сразу облегчение. Все занялись делами. Женщины - стиркой, приготовлением пищи, починкой одежды. Мужчины - ремонтом телег. Скот пасли так: днем подростки, ночью мужчины и старики по очереди. За десять дней отремонтировали телеги, колеса перешиновали, а колесные шины прикрепили к колесам болтами. Всю эту работу делали золотые руки переселенца Петра Иванюка, которому деревенский кузнец сказал: «Инструмента и меха мне не жалко, а угля у меня нет, сами привезите дров».

Уже перед отъездом в дальнейший путь жена Ольга напомнила Петру, что надо бы за свой труд собрать с остальных плату, но он только рукой махнул.

После отдыха люди посвежели, повеселели, стала заметна их бодрость, но шуток и смеха, как при выезде с места, не было

слышно. Все предвидели трудность предстоящего пути. В конце июля переселенцы двинулись вглубь Уральских гор. Движение со дня на день затруднялось. На подъемах приходилось разгружать телеги и далеко вперед переносить багаж, а под уклоны тормозить колеса на телегах.

Дороги зигзагообразные. Проезжая ущелья, люди ощущали страх от нависших горных глыб. Вдруг попадались глубокие пропасти страшные. По таким дорогам проходили не более 5 верст в день, все время таская на себе детей. Начинались холодные августовские дожди. Люди прекращали путь и прятались в ущельях, от неожиданных снегопадов даже скот укрывали. Через быстрые ручьи с холодной водой перебирались вброд. Требовалась веревина, но ее негде было взять, и ее заменяли тальником. Все устали. Стали молчаливыми. Мужчины обросли. Лица стали неузнаваемыми. Было много больных, появилась смертность детей, увечья и гибель скота.

Местность изменилась, стали появляться более ровные места, близость населенных пунктов. Но люди, оборванные, голодные, больные, чуть двигались и были ко всему безразличны. Скорее бы тепло, уют и пища.

На седьмой сентябрьский день въехали в село. Как только переселенцы въехали в этот населенный пункт, сразу же вся их группа, свернув с дороги, остановилась среди улицы и все люди понуро разбрелись по дворам. Никто теперь не думал о том, как он на этот раз устроиться на передышку и что его ожидает впереди. Все были рады только теплу и отдыху. От всей души приуральские крестьяне, кто как мог, приютили переселенцев, ухаживали за больными, кормили и поили всех. Многие даже полностью взяли их семьи на свое попечение на неопределенный срок.

На этот раз переселенцы поняли, что короткой передышкой ограничиваться нельзя и через 2-3 дня начали подыскивать себе места для зимовки. Люди не могли уже дальше двигаться, а желаемые места поселения были еще далеко, да и неизвестно где. Телеги все разбиты, требуют большого ремонта. Продукты питания вышли. Скот ослаб. Четыре

головой погибло, а одна семья вообще осталась без рабочего тягла. Кроме этого наступил уже холодный приуральский сентябрь и часто шли проливные дожди, изредка с гор прорывались снегопады. Начинались холода. Решили остаться зимовать здесь.

Приуральцы советуют: «Перебьетесь зиму, а там видно будет».

Хлеба и овощей у них тоже не хватает на год, но зато приволье скоту: много травы, леса и воды. Говорят между собой женщины:

«И подумать только, даже строевой лес и дрова свободно используй и никто за это никому не отработывает, как на Украине».

Занимаются здесь охотой, сеют пшеницу, лен, коноплю. Ткут полотно, шерстяное сукно, валенки катают, шубы овчинные делают. Андрей Яковлевич впервые за всю свою жизнь увидел овчинный тулуп с волчьим воротником, к одному охотнику переселенцы ходили специально посмотреть большой тулуп весь из волчьих шкур и шкуру медведя. С этого времени и до конца жизни Андрей Яковлевич все говорил:

«Эх, жить бы так, как я видел в Приуралье, жил один охотник. Иметь бы такой теплый тулуп».

Но не удалось ему за всю жизнь на своих плечах видеть такой тулуп. Андрей Яковлевич ещё в Уральских горах зарезал корову и дальнейший медленный путь ему предстоял на старом, истощенном быку. Уже тогда на его телеге не было никакого груза, кроме трех больных детей и их больной матери Татьяны. В период зимы 1898 -1899 года он вынужден был прирезать последнюю надежду на будущность - своего рабочего вола. Андрею стоило больших трудов за счет этого мяса купить годовалую телку, чтобы прокормить семью. Андрей Яковлевич начал сапожничать, а Татьяна Яковлевна нанималась прясть, вышивать полотенца и скатерти на удивление приуральцев. Все это в некоторой степени облегчило положение семьи.

Но весной 1899 года на дальнейшее продвижение у него не было сил и семья Андрея вынуждена была распрощаться с

отъезжающими переселенцами и остаться на месте до будущей весны. Этой же весной он выкопал землянку для своей семьи, в виде погреба, в потолке сделал стеклышко, а внутри смастерил камин. Летом, помимо своего ремесла, они с женой трудились в крестьянских хозяйствах. Это дало возможность посеять полторы десятины пшеницы, посадить немного овощей, убрать весь урожай. К весне 1900 года все было подготовлено к отъезду, хотя продовольствие и средства передвижения были очень бедны, но дальше затягивать переезд не было смысла. Живое тягло Андрея теперь состояло из полуторагодовой телки, запряженной в маленькую тележку. Продуктов питания было припасено на три месяца. Детей было теперь четверо, старшему 9 лет, а самому меньшему два месяца.

Семья с Приуралья выехала 16 мая. Ехали по следам переселенцев, с которыми они простился год назад. А чтоб не потерять эти следы, нужно было в каждом селе уточнять, в каком направлении дальше следовала такая-то группа год тому назад. Но такая ориентировка уже на пятый день подвела и Андрей потерял след. Так неожиданно для себя он очутился там, где проезжала год назад не одна, а много групп. Сбило его с пути и то, что в селах говорили о разных путях движения переселенцев, как в Западном, так и в Юго-Западном направлениях. Переселенцев было много, и они ехали разными путями. Андрею Яковлевичу нужен был путь, по которому ехали его товарищи. И в этом направлении должны были ехать его братья три года назад.

Преодолевая далекий свой путь от деревни до деревни, от поселка до поселка, он решил, что в любом месте, где встретит своих односельчан, он закончит свой путь. Так его семья за период лета и до глубокой осени исколесила все Петропавловские, Кустанайские, затем Акмолинские края и нигде не встретила односельчан.

В одной из маленьких деревушек у озера Тенгиз он вынужден был остановиться на вторую зимовку.

В 1901 году семья Андрея Яковлевича на четвертый год пути в таком же нищенском существовании выехала в направлении

Семипалатинска, объездив ряд сел и деревень, питаюсь корками и картофелем, добытыми попрошайничеством Татьяны Яковлевны и детьми. Здесь встретились с группой переселенцев из Харьковской губернии и присоединились к ним. Теперь вся группа следовала по направлению на Славгород, там они получили право на поселение в Славгородском уезде и на девятый день езды от Славгорода остановились на поселение в селе Ирбизино Черно-Курьинской волости. Так Андрей Яковлевич братьев своих и односельчан не нашел, хотя и предполагал, что все они где-то здесь: или в Славгородском уезде или за Семипалатинском.

Наступил 1902 год. В хозяйстве Андрея Яковлевича состояли только корова и телега. Андрей Яковлевич сапожничал, и вдвоем с Татьяной работал в других крестьянских хозяйствах. К осени у него уже было тридцать пудов зерна, вырастили картофель, капусту, овощи, птицу. Андрей Яковлевич подбадривал Татьяну Яковлевну:

«Ничего, Татьяна, теперь проживем, жизнь-то налаживается. Мы с тобой сроду не видели столько хлеба. Часть продадим. Немного приоденем детей и тебе кое-что купим, а то на тебя тошно смотреть».

К весне 1903 года Андрей с Татьяной получили достоверные слухи, что где-то в Семеречье находятся его братья и односельчане, выехавшие с Украины на два года раньше их. Стал вопрос переезжать к ним. Обсудили все детали и решили все же переезжать. Главной помехой было то, что Татьяна теперь ходила последнюю половину беременности.

В один из теплых майских дней семья Андрея Яковлевича удобно расположилась в просторной накрытой разношерстной самотканью парной радванке, в которую были впряжены буйно озирающийся по сторонам вол и хитрозадумчивая молодая корова, уже испытавшая на себе все трудности длительных переездов. Двинулись в путь, который лежал в юго-западном направлении, туда, откуда приехали они год тому назад. Андрей спешил, чтобы к концу июня, во что бы то ни стало узнать, где поселились его братья и односельчане.

Этот путь для семьи Андрея Яковлевича был не тяжелым, однако, не доезжая верст 40-50 до места назначения, пришлось сделать остановку на пять-десять дней. Эта передышка была необходима для встречи на белый свет еще одного жильца, пятого по счету.

Прибавился груз, прибавились и заботы. Андрею Яковлевичу теперь пришлось ухаживать за детьми и за больной Татьяной Яковлевной. А трудности опять приходили одна за другой. И самое главное, что ни в каких переселенческих пунктах фамилий братьев и односельчан Андрея не значилось. Сейчас семья Андрея Яковлевича побывала у озера Балхаш, в Туркестане и на обратном пути в одной деревушке Семиречья остановилась на зимовку. Решили остаться здесь совсем.

К весне 1904 года Андрей Яковлевич начал просить в обществе право на прописку и получение земельного надела, но вдруг ему попадают точные данные свежих следов братьев. Они долго проживали в одном месте у Семипалатинска и весной 1903 года выбыли в Славгородский уезд. Теперь он безошибочно найдет их в том же Ирбизино. И, не смотря на то, что Татьяне Яковлевне нездоровится, в середине марта 1904 года он спешно поехал в село Ирбизино Томской губернии Славгородского уезда.

В то время среди крестьян Семиречья прошел слух, что между Россией и Японией что-то произошло, но война это или просто разговоры, толком никто не знал. Поэтому Андрей Яковлевич спешил с переездом в Славгородский уезд, где, в случае войны, его семье среди своих легче бы было. Но на третий день пути Андрея Яковлевича, как и других бездомных и измученных, взяли прямо в пути следования и угнали на защиту Царя-батюшки, не дав даже одного дня, чтобы куда-либо определить семью.

Его Величество Царь-батюшка все время был слеп и глух к угнетенному многонациональному народу, он и не хотел замечать жалко-нищенского прозябания народа, населяющего Россию. Он не знал и не хотел знать о том горе и лишениях, которые переживало переселенческое крестьянство. А теперь, когда нужно было защищать

Отечество, помещиков и капиталистов, нашли всех, даже тех, кто не имел постоянного места жительства и скитался по белу свету.

Так семья Андрея и осталась в неизвестном для него селе на окраине, холодная, голодная, обездоленная и никому не нужная. Осталась больная Татьяна одна и с ней пятеро маленьких детей. Невыносимо тяжело, как во сне, переживала она уход Андрея на защиту царя батюшки. Совсем заболела, слегла и очнулась только тогда, когда услышала, плачь детей и их причитания:

«Мама, мамочка родная»... И снова потеряла сознание. Когда пришла в себя, не смогла понять, почему возле неё какие-то чужие люди и зачем они здесь. Но эти люди были добрыми и заботливыми, такие же бездомные, как и она, и тоже оставшиеся без кормильца. Они сразу же приютили у себя Татьяну с детьми, оказывали больной Татьяне помощь, заботясь о ней и её детях. Эти и другие такие же добрые люди, после выздоровления Татьяны, помогли ей подготовиться к отправке в дальнейший путь до места назначения.

К осени 1904 года на седьмом году скитаний по Сибирским просторам семья Андрея Яковлевича в нищенском состоянии окончательно закрепилась на постоянное место жительства в селе Ирбизино. Двое детей приютил брат Андрея Пантелей в селе Палецком, а остальные остались с Татьяной Яковлевной у второго брата Ильи в Ирбизино. Так они проживали до возвращения с русско-японского фронта Андрея Яковлевича.

И ТУТ ГОРЕ И НУЖДА

1911 год. Уже год семья Андрея живет под своей крышей, но хозяйства своего он ещё не нажил. Сам сапожничает, Татьяна все время в пряжах, сын Ананий на заработках у кулака, дочь Ирина у людей в няньках и всего этого не хватает на уплату подушной подати. А подать у Андрея Яковлевича была самая большая в селе, так как у него семья состоит из девяти душ,

среди них семеро детей. Второй год хозяйство описывается за неуплату подати и объявляется его продажа с молотка. Но никто не покупает его избу - плетенку с земляной крышей и двумя стеклышками у земли вместо окон, да и находится она за селом, на выгоне. Уже три года как Андрей Яковлевич старается укрепить экономику семьи, но тот клочок земли, который он засеивает чужими семенами в поздние сроки, не позволяет прокормить семью.

«Большая семья, а зацепиться не за что», - как бы в свое оправдание говорит Андрей Яковлевич.

Он давно уже понял, что «приволя», которых десять лет тому назад он так сильно жаждал, бедному мужику ничего не дают. И в своих разговорах об этом, он теперь говорит: «А для чего бедному эти приволя? Таким, как я, не было на Украине приволя, нет его и тут...» И хмурился, давая понять собеседнику, что он вообще на эту тему говорить не желает. Если же его собеседник заговаривал о хуторской системе жизни, то он сразу же сердито перебивал: «Что мне с этой столыпинщины? Что она таким, как я, даст? Не для нас она существует». Кто знал Андрея раньше, теперь не уставал удивляться тому, как он изменился. Бывший песенник, шутник, рассказчик интересных событий, историй и приключений, он стал задумчивым, угрюмым и замкнутым. Душу его разрывало горе, нужда, а выхода из этого положения он не находил и здесь в Сибири.

Только к осени 1913 года семья почувствовала облегчение. Теперь у него во дворе появилась двухлетняя телочка - труды целого года сына Анания. Старшая дочь Ирина отработала двух овец, младшая Акулина годовалую телочку. В закроме был хлеб, которого хватит прокормиться до нового урожая. Купили трехлетнего жеребенка год назад. Для Андрея Яковлевича и Татьяны Яковлевны это был первый год в их жизни, когда они рассчитались со всеми податями и почувствовали себя хозяевами.

Но опять на душе у Андрея Яковлевича большая забота и горе: жена Татьяна с осени слегла в постель, и с каждым днем ее здоровье становилось все хуже и хуже. Она

почувствовала свою слабость давно и, хотя все это время жаловалась на недомогание и отдельные внутренние боли, но все же заботливо ухаживала за детьми и много работала, пока окончательно не свалилась в постель. Теперь за ней нужен был постоянный и заботливый уход, но старшая 17-летняя дочь тоже болела, а ведь в семье было ещё четверо малышей, которым нужна была материнская ласка и забота. Андрею очень тяжело было при помощи только 14-летней дочери справляться со всеми семейными трудностями и хозяйственными заботами. Но ещё труднее было перенести смерть Татьяны, которая умерла в первых числах ноября 1913 года в возрасте 44 лет - итог многолетней тяжелой работы и жизни с малыми детьми в горе, нужде, голоде и холоде. После смерти Татьяны Андрей долго думал над вопросом, как жить дальше, имея такую ораву малых детей.

Многие ему советовали жениться, но он воздерживался и говорил: «Сводить детей из двух семей в одну страшно, а бездетная женщина в такую семью не пойдет». Когда в середине зимы умер и сынишка, а ему было полтора годика, Андрей Яковлевич и совсем решил воспитывать детей без мачехи. С конца 1913 года года воспитание детей началось без матери, их отцу тогда было 47 лет, а его детям: Ананию 20 лет, Ирине 18 лет, Акулине 16 лет, Александру 13 лет, Ивану 9 лет и Анне 4 года.

Старшие дочери теперь работали дома по хозяйству, а сын Ананий уже 4 года батрачил на купца Ивана Егоровича Сорокина.

И ОПЯТЬ В СЕМЬЕ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Мысль о том, что Андрей Яковлевич обойдется в семье без женской заботы и женских рук, в практической семейной жизни не оправдалась. Восемнадцатилетняя дочь Ирина, на которую больше всего была надежда, по состоянию своего здоровья была ненадежной помощницей, да и стала болеть постоянно, а младшая 16-летняя Акулина ещё не способна

возглавить хозяйство и заботу о семье. После смерти жены прошло три месяца и он убедился, что жить без хозяйки в доме, без материнской заботы о детях невозможно. Он приходит к мысли, что нужно женить старшего сына Анания. И он стал искать предлог для разговора с сыном на эту тему. Однажды в зимний морозный вечер, когда они беседовали один на один о семейных делах, Андрей задал сыну вопрос: «А как ты смотришь на то, чтобы жениться и взять в свои руки хозяйство? Одна из девок пусть снова идет в люди работать и малышам легче будет». Андрей замолчал и с тревогой в душе ждал, что ему ответит сын.

Сын молча встал с табуретки, прошел к порогу, выпил кружку холодной воды и сказал: «Я на это не смотрю, а тоже думаю, как бы эту проблему решить...»

Он, забывшись, машинально начал заворачивать самокрутку, уронил кiset, спрятал самокрутку в карман. А отец, ободренный смелым его ответом, твердо сказал:

«Ничего, сынок, кури, в твои годы это разрешается». И тут же спросил: «Кто же она, и что требуется для ускорения этого дела?» На эти вопросы сын уже более свободно ответил:

«Она все может делать и малышам будет, как мать. От вас пока ничего не нужно, я все сделаю сам». А после небольшой паузы добавил: «Имеются неприятности..», - и замолчал.

В этот вечер Андрей больше от сына по этому вопросу ничего не добился, но всю ночь не спал и ломал голову в догадках: кто она и какие их ждут неприятности.

Только неделю спустя Андрей узнал о секретах, недосказанных сыном.

Она была сестрой Сидора Снитко - самого крупного землевладельца на селе. Он имел 40 десятин посева, свою ветряную мельницу, молотилку и другие сельхозмашины. Это у него год тому назад батрачила Ирина, дочь Андрея, и, не доработав до своего срока, вернулась в свою семью больная.

«Не может быть, чтобы невеста с такого двора согласилась пойти в такую нищенскую семью, как наша, да еще и с кучей малых детей», - так думал Андрей.

Он ждал встречи с сыном, чтобы высказать ему свое мнение по этому вопросу. В этот вечер Ананий долго не приходил домой, а Андрей волновался, ходил взад вперед по комнате, все взвешивал и пришел к выводу, что задумка сына не осуществима.

Паша, которую Ананий выбрал в невесты, с малых лет воспитывалась без матери и находилась на попечении брата. Отец ее был похоронен два месяца назад.

В хозяйстве брата Паша считалась батрачкой, как и другие работники Сидора Снитко. С малых лет она все время пасла скот, а уже с 16-ти лет работала на кухне и по хозяйству. Была неграмотная, как её отец и брат Сидор.

Паша твердо сказала Ананию, что она согласна жить в бедности, но счастливо, только не быть в такой неволе. Но, когда об этом узнал её брат Сидор, то тот твердо ей заявил, что если она не выбросит эти мысли из головы, то он застрелит и ее, и жениха.

Андрей Яковлевич предвидел, что с этой женитьбы ничего не выйдет, кроме семейных неприятностей.

Он сказал сыну: « Не случайно Сидор в последнее время даже отказал мне смолоть зерно на своей мельнице. По всему видно, что он презирает меня... Нет, не намерен я кланяться ему в сватовстве, не хочу я связываться с ним. Да и батюшка будет на его стороне. Ты, сын, опомнись и отступись».

После этого разговора Андрей даже успокоился и теперь ждал, что сын решит в определении своего будущего счастья. Не прошло и пяти дней, как вся эта история с женитьбой сына получила все-таки неожиданный для него оборот.

В одну из февральских ночей, когда с улицы в двери и окна слегка шуршала и постукивала снежная пурга, Андрей долго не спал. Сын Ананий не появляется дома уже три дня, тут в дверь постучали, Андрей подумал, что пришел «Анашка» и открыл.

В дом ворвались четыре молодых здоровых парня, и было слышно, что на улице еще кто-то разговаривает. Из вошедших в избу Андрей сразу узнал двоих, но Анания среди них не было. Он не сразу догадался, почему не заходят остальные.

И тут он заметил, что у одного из вошедших в руках ружье, а другой отрывисто и взволновано спросил о сыне. Андрей встревожился и спросил: «В чем дело? Что вам нужно?».

Непрошенные ночные гости без пояснений сути дела осмотрели погреб, заглянули под кровати, и, ничего не обнаружив, нагрубил, погрозили пальцем и также поспешно ушли, как и пришли.

Уже утром Андрей узнал, что такие обыски были не только у него, но и у соседей и в других дворах, где имелись друзья Анания. В этот же день Андрей понял, что все эти обыски не случайны: сторонники Сидора всерьез занялись розысками его сына, неизвестно где и кем упрятого вместе с Пашей.

Около месяца длились упорные поиски молодых, как нарушителей законного брака. Богатые «женихи», ухаживающие за Пашей, и их друзья все время дежурили у двора Андрея на крепких Сидоровых конях. Они разъезжали и по соседним селам до тех пор, пока в 12-ти верстах от села оказались обезоруженными и до крови избитыми неизвестно кем.

Андрей Яковлевич очень переживал за сына и невестку. Он тоже немало пережил неприятностей за этот период времени, наслушался от семьи Сидора угроз, проклятий и клеветы в адрес всей своей семьи. Но что он мог им противопоставить?

И думал, что глупо поступил сын, зря связался с этим «идолом», у которого вся семья «нелюдимая».

Когда Настя (жена Сидора) увидела вернувшихся с розыска батраков оборванных и в крови, она своему мужу сказала примирительно:

«Хватит тебе Сидор куражиться. Нас и так уже многие ненавидят, а тут ещё эти дела. Мне уже стыдно на люди выйти. Все только и говорят об этом. Уже собираются спалить нас. Будь она проклята твоя сестра. Сколько мы уже из-за нее

греха взяли на свою душу. Все равно они уже где-то живут, как венчанные. Кому она теперь нужна».

Сидор молчал, чего никогда не было. Он выслушал ее до конца и, когда Настя замолчала, со злостью сказал: «Будь она проклята!». Поднялся со скамьи и вышел из избы.

Все это кончалось тем, что родные невесты отказались признать небрачных молодых и прекратили их розыски и преследования. Свое проклятие они закрепили тем, что пригласили в дом батюшку, отслужили в доме молебен, помолились и после всей этой церемонии Сидор вместе с батюшкой для успокоения своих нервов выпили много крепкого вина. И «православный небесный посланец», засыпая тут же на лавке, бормотал: «Проклятие им блуднице Прасковье, сатаненку Ананию и старому сатане Андрею».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А молодые жили до лета в селе Палецком у брата Андрея Ильи. Потом все помирились. Батюшка обвинил молодых в нарушении «Священного закона» и отцу жениха - Андрею пришлось заплатить ему за законное бракосочетание сына. Прожили молодые очень хорошо и дружно. Паша заменила братьям и сестрам Анания мать. Было у них трое своих детей. Дочь Луиза, жила в Москве, сын Роберт убит на фронте, сын Алексей полковник, жил в Саратове, служил в военном училище. Ананий умер в возрасте 51 года (в 1942г.), Паша прожила 91 год.

В 20-годы они вступили в первую коммуну, которая была организована в Черно-Курье. Тогда это село было райцентром. После распада этой коммуны в конце 20-х годов, они решили уехать на Украину. Но в пути узнали, что там свирепствует голод и остановились в Алексеевке (Зубганиновского района) под городом Куйбышевым. Там он и умер.

ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА БОЖЕНКО,

уроженца села Ирбизино Карасукского района

У меня осталась в памяти жизнь с 1913 г. и смерть матери. В то время мне было 10-11 лет. В хозяйстве у родителей была корова, которую в семью нашу привела сноха, выйдя замуж за моего старшего брата в 1914 г.

Отец ежегодно производил посев от 1 до 3 десятин хлебов. Сев пшеницы нашей семье производили зажиточные крестьяне, за то, что мои старшие братья и сестра отработывали им по срокам, а также за отработки отца по сапожному ремеслу. Урожаи были разные и, в большинстве случаев, хлеба в семье не хватало. Были годы, когда труд взрослых членов семьи у зажиточных крестьян пропадал даром, так как нам сеяли очень поздно и хороший урожай редко бывал на наших наделах. В зиму почти всегда мы оставались без хлеба. Так же обстояло дело и с одеждой, если даже не хуже. В то время все крестьяне одевались только в домотканую (самоткань) одежду своего личного производства. А для этого каждый старался посеять 1-2 десятины технических культур (конопли, льна).

Мои родители такие посева производить были не в состоянии. Как я помню, овцы в доме появились в 1916 году. Их было от трех до пяти голов, но, чтобы одеть мало-мальски семью, их нужно было иметь не менее полтора - два десятка. Такой роскоши мы никогда не видели. Питались мы впроголодь и больше переживали образ нищих. Голод и холод, на плечах вместо одёжи лохмотья, и то не у всех - вот такая была наша жизнь при царе-батюшке.

Никогда не забудется, как мы, малыши, зимой не выходили на улицу, и наше место было только на печке. Самые младшие были совсем голыми, а кто постарше, то в форменных лохмотьях. Вши одолевали до невозможности. А от этого все время чесотка или же вся голова в струпьях. Особенно в таком положении мы были в 1913-1915г.г., я это уже хорошо помню. Ясно, что так жили мои родители и до переселения в Сибирь из Украины. Так жили десятки тысяч тружеников крестьян, тогда как один-два мироеда на крестьянскую деревню сосали

труд с кровью из сотен людей для личной наживы. А наши отцы и матери, деды и бабушки на них трудились с потом и кровью, да ещё при встрече с ними кланялись им и руки целовали. Как мы питались, я уже не помню, но помню, что соседские ребяташки, да и взрослые, часто смеялись над нами, что мы всегда растем только в животах.

В 1914 или 1915 году самый меньший братишка умер от тифа. Старший брат женился и у нас появилось стиранное бельё. Моя старшая сестра была все время нетрудоспособной из-за болезни рук, а потом выздоровела и вышла замуж за инвалида, т.е. человека, который мог только сидеть, а ходить не мог. Ещё помню, что, когда моё бельё стирала сноха, я в то время голым сидел на печке, потому что одеть было нечего.

Запомнился на всю жизнь 1919 год, когда меня выгнал помещик Снитко, не дав отработать положенный срок. Я занимался откровенным воровством: брал без разрешения хлеб, масло, кур и гусей и носил в бригаду, таким же голодным, как и я сам. Виноватым я считал самого помещика, который нас очень плохо кормил.

СТАРШИЙ БРАТ

Весной 1918 г. наш старший брат Ананий вернулся из плена из Чехии инвалидом. Там он работал на помещика, который был по национальности мадьяром. У него был очень жестокий приказчик. Он избивал рабочих до увечья. Однажды он выбил нашему брату два ребра, к тому же он там заболел бронхитом. За попытки к бегству от каторжного труда и издевательств приказчика он не однажды был жестоко наказан: подвешен вверх ногами на 30 минут. Приехав домой из плена, он с Михаилом Раком стал подбирать себе товарищей и формировать группу партизан для борьбы против белогвардейщины, которая начала проявлять свою активность в Сибири с первых же дней революции. Все эти события проходили в строжайшей тайне от односельчан и от семьи, в том числе и от нашего отца. Я, по молодости лет ничего не понимая и не разбираясь в ситуации, иногда тоже был

участником этих событий через своего старшего брата. Но я хорошо видел и понимал, что в нашей семье происходит разлад.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Отец был очень недоволен поведением брата. Он надеялся, что тот, вернувшись домой, приступит к какой-нибудь работе. Но, Ананий где-то бывал по ночам, иногда сутками не являлся домой. Отец считал, что он "бродяжничает". С каждым днём этот конфликт между сыном и отцом углублялся. Кроме того, отец также был недоволен моей старшей сестрой, за то, что три года назад она вышла замуж не за того, кого хотел он ей в мужья. Я любил своих братьев и сестру, сочувствовал им, что вызывало у отца новое недовольство.

Семья наша в это время состояла из шести человек. Поскольку Октябрьская революция дала землю крестьянам, то наш надел пахотной земли составлял 12 десятин. Это давало возможность сделать большой экономический скачок крестьянству. Мой отец, почувствовал это и хотел, что бы мы своим трудом помогли ему укрепить хозяйство, поднять наше материальное положение.

Исходя из этих чаяний, отец и не думал уступать старшему сыну, заставляя его работать. Он ежедневно доказывал Ананию, как надо нам всем теперь трудиться, когда свергли царя. Так как наш труд теперь не пропадёт даром. О том, что мы все и вся Сибирь оказались под властью Колчака, он говорил так: "Ну и пусть себе посидит немного в Омске. Ему все равно царя не вернуть, а сам он и в царьки не годится. Его все равно скоро выгонят. А Декрет Советов о Земле уже никто не в состоянии отменить. Выгонят его из Омска без нас, а наше дело стариков и так как ты инвалид - спокойно трудиться, раз нам дана свобода". Никаких суждений старик больше и слушать не хотел.

В разгар сенокосных работ 1918 года старший брат снова на месяц отлучился из дома. Его жена ушла от нас к своей сестре. Уходила так, чтобы отец не заметил, выбрав момент,

когда его не было дома. Мы в это время жили в новом пятистенном доме, крытом соломой, но с деревянными, закрывающимися ставнями.

В хозяйстве было две лошади и две коровы, из которых одну отец отдает, ушедшей снохе. С сыном он старается не встречаться и за глаза ругает его: "Не будет с него хозяина. Будет бродяга, больше никто. Думает, что с этим дурнем - Раком повесят Колчака. Без них повесят этого эполетчика".

Так ежедневно старик ропщет на своего старшего сына, ушедшего из дома. Активные действия отдельных и разрозненных небольших групп партизан в Славгородском уезде не увенчались успехом, так как со второй половины 1918 года колчаковские щупальца, за которыми в деревнях следовали кулаки, проникали в каждый населённый пункт.

В деревнях и посёлках появились сторонники "Омской власти" и эта часть "мироедов" являлась помощниками контрреволюции как в наведении в деревнях порядков, так и в мобилизации крестьянской молодёжи в колчаковскую армию.

На период уборки хлеба и осенних работ Ананий с женой нанимаются в батраки к Снитке. Рак Михаил устраивается мастером на сельскую маслодельню и, таким образом, с августа 1918 г. прекращается всякая связь наших "воjak" с партизанами, которые неизвестно где находятся, вроде в Барабинских лесах. В сёлах всячески пресекаются даже разговоры против "Омских властей".

Я с весны до глубокой осени, а в народе это называется "от Пасхи до Покрова", работал батраком у того же кулака Сидора Снитки, куда на осенний срок пристроился и мой "братка". Мне было тогда лет 14-15. У Снитки хозяйство крупное, он имеет заимку вместе с батюшкой Лапиным. Снитко безграмотный мужик, 3-4 года назад он приобрёл этот участок в 60 десятин пахотной земли и столько же сенокосных угодий. А Лапин вот уже лет 7 владеет таким же по величине участком. У батюшки свой дом, крытый железом, скотный двор голов на сто и гумно с овинами и хорошей изгородью. А у

мужика - Снитки такой же величины усадьба, только скотные дворы- времянки.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Жильё для батраков у него состоит из землянки, крытой навозом и внутри даже без помазки. Тут установлен молочный сепаратор для переработки молока. В его стаде более 30 коров. Оба они имели по 10-12 собак, за которыми ухаживал старик- батрак, без которого никто не мог войти или выйти из усадьбы. У Снитки 7 человек взрослых батраков, я считаюсь как подпасок на период пастьбы овец, которых у него было до 350 голов.

На период уборки все взрослые были заняты, и на мне было всё стадо. На помощь мне выделили детей самого хозяина- Фёдора и Василя (9 - 11 лет). В мою обязанность входило- утром выгонять скот, вечером загонать и ухаживать за молодняком. Телята до 10 дней после дойки подпускались к коровам. Завтрак и ужин готовили на всех батраков.

Кушали и спали в одной землянке. Завтракали, когда ещё было темно, до восхода солнца угоняли скот на пастбище. Ужинали уже после окончания всех работ. И завтрак, и ужин состояли из порции разлитых в большие общие чашки галушек и затирухи (затирки) из ржаной муки на оброте. По праздникам нас угощали и вторым блюдом: творогом из того же обрата.

Спали все на нарах, настил которых состоял из жердей, а постелью служила солома. Когда ко мне в подпаски прикрепляли хозяйских детей, то им в поле давали хлеб с маслом. Выследив, где они прячут свою еду, я начал делать для себя НЗ. Прятал в сорочьих гнёздах или где-нибудь в поле. А для того, чтобы можно было полакомиться этими запасами, я отсылал своих помощников, детей хозяина, домой.

За это уважение их мать щедро одаривала меня, суя за пазуху пироги с творогом или кусок хлеба. Правда, в связи с этим, в моём стаде часто не досчитывалось овцы, так как я

садился у своего "склада", ел и мечтал о будущем, а овцы при этом оставались без присмотра.

МЕЧТЫ

О чём я мечтал? О том, что буду учиться в школе. И так мне хотелось в школу, что в своих мечтах я ходил туда даже в праздничные дни. Мечтал об играх в мячик или шарик. Мечтал о том времени, когда бы все уважали моего старшего брата Анания.

Я хотел, чтобы мой брат был старше всех. Даже самого Терентия - сына Лапина, который сейчас ничего не делает, только сидит у окна своего дома и играет на гармошке. Приходил ко мне старший брат Ананий и подогревал мои мечты. Он говорил, что я буду учиться не хуже детей купца Сорокина, у которого он в это время работал. Старшие мои сёстры Ирина и Акулина к тому времени вышли замуж и остались неграмотными. Старший брат Александр хоть и не получил похвальной грамоты, но три года сельской школы закончил.

Сколько было радости, когда я был принят в школу! Попубатюшке отец аж из Каинска привёз четверть красного вина, чтобы меня только приняли в школу. Батюшка сказал, что если мальчик умеет читать и писать по линейке, то толк обязательно будет. Но нужно было выучить ещё две молитвы: "Отче наш" и "Спаси Господи!".

В школу меня приняли, где я проучился полтора месяца в первом классе, а потом меня перевели во второй. Прошло ещё две недели учёбы во втором классе. За этот период я только на коленях стоял во время уроков и три раза был оставлен без обеда. Ничего, думаю, вон других уже не раз учитель бил линейкой по щекам, на горюх коленями ставил. А Егорку Буцкого два месяца назад учитель так угостил линейкой по щеке, что глубокий шрам остался и ещё долго заживать будет. И всё же Егорка закончит в этом году учебу с Похвальной грамотой. Выдержу как-нибудь и я. Вдруг дня через два учитель отбирает у меня книги и отправляет меня домой. Он

сказал, что уже две субботы из нашей семьи никто не приходил полы мыть в школе, поэтому я в школу больше ходить не буду. В беседе с моим отцом батюшка сказал, что мальчик молитвы учит неохотно и упрекнул его за то, что ничего не платит за моё обучение. Так в 1915 году моя попытка обучиться грамоте не увенчалась успехом. А теперь я уже слишком взрослый для школы.

Шёл 1918 год. Я начал за собой замечать, что я постоянно голодаю и что труд мой непосильный мне ненавистен. Я перестал быть послушным работником. Дети хозяина стали вызывать во мне отвращение. Хозяев я просто возненавидел. Вскоре, не выдержав изнурительного труда, я ушёл от хозяев, не доработав до конца срока один месяц. Отец отлично понимал, что работа по 20 часов в сутки за питание, которое пригодно только свиньям, была невозможной. Но из-за этой недоработки он мне буквально не давал жизни. А всё это было из-за того, что мой досрочный уход разгневил кулака и он грозился не отдавать зерно с той полдесятины, которую он выделил отцу за мой срок работы.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Наступил 1919 год, подошла весна. Брат Александр женился, свадебные подарки укрепили хозяйство. Теперь в семье имеется две лошади, плуг, телега, две коровы и появились овцы. Семья состояла из пяти человек, все были трудоспособны. Старший брат с женой в батраках у Снитки.

С самой весны ежедневно в деревне люди собираются на сходки, о чём-то толкуют, спорят, друг другу что-то доказывают. Мужики не принимают приказ "Омской власти"- не отдадут своих сыновей по мобилизации.

Многие, подлежащие мобилизации прячутся в лесах, болотах. Уже два месяца прошло, как Сергиенко Иван скрываясь от мобилизации, сидит на одной из лабз в камышах, куда неизвестно кто и как доставляет ему еду. Об этом я узнаю от брата. Люди говорят, что он оброс, грязный и очень страшный. Мне теперь страшно одному оставаться на

пашнях в избушке с субботы до понедельника, пока вернётся брат на работу.

Начались уборочные работы. Отец со старшим братом Александром косят вручную, а мы: я и сестра Анна, вяжем снопы и подгребаем. Так работаем ежедневно с темна до темна, а ночью ещё нужно сложить снопы в крестцы. Чтобы убрать пять десятин, нужно много потрудиться. А в деревне, уже начиная с июня, проявляют активность партизанские группы, и в начале августа все сёла Карасукского района поднимаются на борьбу против "омских правителей". Клыков Иван 20 часов в сутки работает в кузнице, он делает пики, не чувствуя усталости.

А в селе Белое половина взрослого населения бросили уборку своих хлебов, вооружились пиками, вилами, а кто и топорами или косой. Все вооружённые направляются в заградительные заслоны куда-то под станцию Карасук. В нашем селе в доме Стрижака Павла общество собирает сходку. Вот уже более пяти дней здесь проходят стихийные собрания, митинги. Круглосуточно сюда приезжают вооружённые группы людей и говорят с народом, через время им на смену приходят другие. И так ежедневно.

Во время уборки заболел наш отец, заболел он душевно, а не от какой-нибудь болезни. Нам он сказал: "Бросайте работу, сейчас не до этого... Чего доброго, хлеб в складах и копнах могут сжечь, а на корню ещё постоит, а там видно будет".

Меня оставили в поле с лошадьми и отлучаться от них не велели. Отец боялся их потерять и, чтобы не украли, оставил их в поле. Для меня радость, что работа прекратилась, но не веселит то, что я не должен отлучаться от своего места. Указание отца, чтобы пасти лошадей и гусей вместе с соседскими по пашне ребятами, я ориентируюсь не выполнять. Об этом намерении я посоветовался с братом Ананием, который ещё в мае месяце, оставив жену батрачить и ничего ей не сказав, выбыл в неизвестном направлении. Он в это время тоже ездил по деревням с какой-то группой партизан. Теперь его жена тоже бросила батрачить, они

поселились на квартире у Марии Таран, а я вернулся в деревню.

А в деревне было беспокойно. Все кузнецы загружены работой по изготовлению холодного оружия и работают день и ночь. Говорят, что под ст. Карасук уже была перестрелка между белыми и крестьянами. Меня, как водоворотом втянуло в эту непонятную для меня деятельность. Я ни днём, ни ночью не бываю дома. Вечерами мы с ребятами то в помещении на сходке, то на площади около маслозавода слушаем, как говорят, говорят и говорят о чём-то новом, о каком-то "союзе молодёжи".

Ночью меня часто посылают с записками или с кем-нибудь посидеть под плетнём у бабушкиного дома, а потом утром сказать, кто к нему приходил. Днём я совсем редко появляюсь дома, потому что отец ругается и трёпки может дать. Застав меня на своей квартире, братка серьёзно со мной поговорил и велел днём находиться только дома. Так я вернулся к отцу, который встретил меня словами: "Где бродяжничаешь? Зачем пришёл, зачем ты мне нужен такой лодырь, стервец ты эдакий?".

Такая отповедь мне была от отца около часа, а может быть и больше. Отец при этом стоял у порога дома, а я перед ним, понутив голову и переминаясь с ноги на ногу. Потом незаметно для себя я начал прохаживаться по двору за угол сенок и обратно к воротам.

Отец же, убедившись в том, что я упорно не ухожу с его глаз и готов на всё, в завершении ко всему сказанному в мой адрес и, чтобы в конце концов успокоить себя, взял нетолстую хворостину, метра полтора длиной "чащину", и быстрым шагом пошёл на меня. Я сразу же заметил, что чащина эта сухая и при ударе должна разлететься на кусочки, поэтому не только не сделал даже попытки убежать, что часто практиковал до этого, а наоборот, гордо и как бы невзначай для себя шагнул вперёд к отцу.

Этим новым для отца поведением я как будто хотел сказать: "На, бей меня, пока руки твои не устанут. Я всё равно буду слушаться братки, но даю тебе понять, что я каюсь и больше

так не буду". Но тут же у меня проскользнула и та мысль, что если после этой хворостины он возьмёт другую и ему попадётся сырая, то придётся удирать. Отец сгоряча раз пять меня ошпарил и, когда в его руке остался черенок в 10 сантиметров, бросил его в сторону.

Хотел он взять другую хворостину, но вдруг понял, что это бесполезно, так как я не только не убежал, но наоборот, последовал за ним. "На, мол, бей ещё, если тебе мало". Он рывком повернулся ко мне и только сказал: "Вот ты какой!" Сам же быстрыми шагами пошёл в избу. Я пошёл следом за ним. Нам навстречу вышел из дома брат и крикнул: "Держи его! Вот я ему сейчас!" На что отец, не дав ему досказать, сказал: "Не тронь его!" и пошёл в избу. Там он лёг и попросил стакан воды. Я понял, что он очень расстроен.

После этого отец уже никогда меня не бил. Однажды, после беседы с молодёжью, где я тоже присутствовал, брат Ананий отозвал меня и попросил приготовить дома лучшую узду для лошади и принести к часу ночи ему. На мой вопрос, зачем ему это, ответил, что хочет взять лошадь у отца и предупредил, чтобы никому ничего не говорил. Я всё это выполнил и уже почти выспался, когда услышал сильную ругань отца: "Сукины сыны! Грабежом занимаются! Кто это сделал?" Вся семья соскочила с постелей и, не одеваясь, каждый стоит у своего места. А отец ходит из угла в угол и не понятно, кого он ругает. Кажется, что он вот-вот набросится на любого из нас.

Так долго продолжалось, пока не пришёл сосед с расспросами, и тогда мы узнали, что пропала лошадь вместе с уздой. Ясно, что это сделал кто-то из своих. На меня подозрение не упало, т.к. лошадь ночью ещё была дома, а я спал. Из семьи из дома за это время никто не отлучался. С этого времени в доме стало беспокойно. Даже вместе за столом мы себя неловко чувствовали.

Отец был недоволен, постоянно ругался, мало спал и видно было, что он уже больной от расстройства. А когда дня через три он увидел, что его сын Ананий ездит на этой лошади, то схватил топор и направился навстречу сыну. Увидев, что сын смело направил лошадь во двор прямо к отцу, то бросил его в

сторону, растерялся и быстро зашагал в противоположную сторону. Сын же быстро соскочил с лошади, поправил на своих плечах карабин, поднёс правую руку к козырьку и поздоровался с отцом. Отец просто остолбенел, тело его окаменело, руки беспомощно повисли, губы тряслись от нервного напряжения. Через несколько минут он овладел собой и как бы в ответ на приветствие сына устало вымолвил: "Сукин ты сын, грабитель!". А дальше и сказать ничего не мог, что-то перехватило глотку. "Я не сукин сын, я сын восставшего народа. И не грабитель, а защитник революции!" - ответил Ананий. Привязав лошадь, он задал отцу вопрос: "Вы, стало быть против революции? В таком случае лошадь пусть будет Ваша. Мой путь - за революцию и наши пути с Вами разные!". На этом все разговоры закончились. Отец с сыном разошлись. А лошадь долго стояла во дворе привязанная и никто к ней не подходил, будто у неё и не было хозяина.

Отец не успокоился, а ещё больше загрустил. Разница была только в том, что он не буйничал, как прежде, а всё больше молчал, ни с кем не разговаривал и стал чаще говорить сам с собой.

МОЛОДОСТЬ, МОЛОДОСТЬ...

1920 год. Это был год расцвета моей молодости и мальчишеской энергии, которую я не знал куда девать. Развлечением для молодёжи была только вечеринка. Место для вечеринок было в центре села, куда нам, юнцам с окраины нельзя было показываться. Этому мешала с давних пор укоренившаяся вражда между молодёжью одной части села против другой. В летний период молодёжь собиралась у заборов, а зимой - в избе.

На всю зиму девушки откупали у какой-нибудь бабки-одиночки или у бездельника избу, где они собирались каждый вечер прясть или рукодельничать. Здесь же пели песни, щёлкали семечки и шёпотом делились своими девичьими секретами. Сюда приходили юнцы, которые

считали себя хозяевами положения и смело приставали к девушкам, сквернословили и курили, отчего вверху дым клубился от их самокруток. И так весь вечер- писк, визг девушек, шум, под ногами горы шелухи от семечек. Отдельные нахалы обижали девушек, а то и позорили их. И если после этого девушка не являлась на вечеринку, то эти безобразники мазали дёгтем уличные ворота или ограду родительского дома, чем давали знать не только родителям, но и всей деревне, что эта девушка испорчена.

В воскресенье и другие святые дни родители гнали молодёжь в церковь, чтобы они отмаливали свои грехи, которые творили за дни своих развлечений.

УРОКИ ЖИЗНИ

1921год, июнь. Очень коротко и неинтересно прошла моя юность - в нужде, безрадостно, без друзей и глупо. Мне исполнилось 16 лет и я уже женился. Отец недоволен. Он часто упрекает меня за то, что я сделал попытку отказаться от венчания в церкви. Жалуется на меня соседям и говорит, что из меня выйдет только бродяга, как и Ананий. Но ведь я послушался его совета и всё-таки венчался, зачем же было напоминать об этом и рассказывать всем? Это было неприятно. Анания на моей свадьбе не было. У них с отцом разлад.

В октябре 1921года в нашей семье большие неприятности. Мой брат Александр попал по строгой мобилизации в армию Колчака. Так в нашей семье остались одни мужские руки. Чтобы и меня не взяли в армию, отец сжёг мои метрики и в посемейных списках сумел переделать мой год рождения. Но к этому времени между мной и отцом уже вселилась непримиримость в политическом вопросе.

Отец систематически следил за мной, чтобы я не скитался по целым дням в каком-то непонятном для него "союзе молодёжи". Я и сам не понимаю, что это за слово, но меня тянет туда всё то, что мне нравится: какая-то беготня ночью с какими-то бумажками, другой раз к местному жильцу, а то и в

степь на какую-то заимку. Во-вторых, я здесь всегда ребятами, да и брат мой теперь меня жалеет, как никто ещё не жалел и даже кое в чём оказывает мне экономическую помощь.

Осенью 1919 года к нам во двор заехали на парной бричке три незнакомца. Двое ушли в избу, а третий спросил меня - из этого ли я дома и как меня зовут. Узнав, что я здесь не чужой, он сбросил с себя кожаное пальто, каких я никогда не видел и отлучился. Пальто он бросил на бричку. Мне очень понравились пуговицы на этом пальто и я решил отрезать себе одну на память. Пока я это делал, то заметил, что на бричке под сеном что-то есть. Пошарив рукой понял, что это винтовки и ружья. Их было много. К тому времени, ещё не понимая того, что происходит, я твердо знал, что надо быть на стороне таких, как Ананий, М. Рак и другие бедные, ничего не имеющие люди.

За девять лет самостоятельной жизни мне и моей семье пришлось испытать не только экономические трудности и невзгоды. Эти годы моих скитаний помогли мне разобраться в том, как я должен жить дальше, к чему стремиться и за что бороться. Батрачил, сапожничал, а было и так, что бездельничал. В деревне меня уже прозвали "бродягой". Жена пряла и стирала, этим и кормили ребятишек. Жена часто плачет, к кому-то ревнует, так как я часто ночами пропадаю. Вот и ребятишки смотрят на меня из подо лба. Братка и Михаил Рак строго наказывают, чтобы никому не говорил, что им помогаю. "Всё это для народа", - говорили они. А для какого народа, если в своём селе Ирбизино меня никто не понимает?

Всю жизнь я благодарен Егору Фотиевичу Буцкому за то, что не считаясь со своим временем, он научил меня грамоте, делить и множить. Он заходил к нам домой и давал мне урок, проверял то, что задавал раньше. В июне меня приняли на работу в сельпо кладовщиком-заготовителем. В июле я был избран на сходке членом сельсовета.